

СМ НОВИНКИ

ТЕБЕ, СТОЛИЦА!

сочинениях русских эмигрантов, наверняка украсит многие библиотеки.

Произведения воссоздают неповторимый образ столицы, рассказывают об ушедшей эпохе и ее людях. Приятно, что большая часть произведений снабжена фотографиями авторов и литературным комментарием. Многие тексты публикуются в нашей стране впервые.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ МУРАКАМИВЕДЕНИЕ

Так классифицировал свою книгу о знаменитом японском писателе Харуки Мураками переводчик самого известного его произведения «Охота на овец».

роческие тексты или популяризирующие исследования-биографии звезд филологии. Работа Коваленко очень личное, можно сказать, интимное признание в любви к прозе, точнее - к целому миру, созданному пером японского прозаика.

ПРОСТО МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

отдохнуть над страницами, устав от попсового телевидения и бесконечных политизированных ток-шоу...

ДНЕМ ИЛИ НОЧЬЮ?

почти каждой семьей выписывались толстые журналы, то сегодня отдающие желтизну телевизионные и газетные валы попросту не оставляют людям выбора - не только следить за новинками переводной литературы, но и просто читать некогда.

Новая серия «Шаги» знакомит нас с немецкоязычной литературой. На этот раз с романом самого известного немецкого писателя XXI века Арнольда Штадлера «Однажды днем, а может быть, и ночью...»

Николай МОДЕСТОВ

ЛУЧ ЕСТЬ, НО СВЕТУ МАЛО

Новый фильм режиссера Валерия Тодоровского и сценариста Геннадия Островского «Мой сводный брат Франкенштейн» очень сильный и очень тяжелый. Тодоровский-младший и в начале своего кинематографического пути снимал фильмы, затрагивающие острейшие проблемы общества, страны, человека. Достаточно вспомнить ленту «Любовь»: несмотря на возвышенное название, там говорится, как трудно и драматично происходит превращение отрока в мужчину. В картине с несколько вызывающим названием «Любовник» - о проблемах тоже вечных и потому еще более неразрешимых.

В картине «Мой сводный брат Франкенштейн» проблемы, хочется думать, не вечные, но, увы, характерные именно для нашей страны, где временные трудности часто становятся глобальными. При этом, как всегда у Валерия Тодоровского и Геннадия Островского, фильм остро сюжетный, яркий, в нем нет обшарпанных интерьеров, унылых диалогов. Картина смотрится на одном дыхании.

Главный герой - немножко чудовище, но в классической книге Мэри Шелли Франкенштейн был не чудовищем, а ученым, его создавшим.

Впервые Леонид Ярмольник предстал здесь как актер, которому по силам трагические роли. Он сыграл отца, который узнает, что в результате давнего романчика появился на свет сын. Ситуация баналь-

ная, но в каждом конкретном случае драматическая, а тут, как в капле морской воды, отражающей океан царящего в нашей стране горя: трагедия терроризма, трагедия войн в Афганистане, в Чечне...

Роль сына - удачный дебют молодого актера Даниила Спиваковского, сыгравшего хорошего парня, на чеченской войне сошедшего с ума и одержимого манией преследования. Ей пытается противостоять и мачеха - Елена Яковлева, тоже впервые сыгравшая роль на уровне шекспировской трагедии, и многие, многие друзья хорошей семьи. Но ничего конструктивного они сделать не могут.

Вечный русский вопрос «что делать?» в этом фильме не имеет ответа. Даже талантливые, умеющие смотреть в корень зла авторы фильма не могут

дать ответ. Но они избрали ход, бьющий в цель: показали, в соответствии с русской драматургической традицией, без вины виноватых, которым нельзя не сочувствовать, на которых нельзя смотреть без слез. А Франкенштейн - наше государство.

«Мой сводный брат Франкенштейн» - фильм антивоенный. Когда-то в одном американском романе вернувшиеся после Второй мировой, освободительной, войны победители были показаны растерянными, сломленными, несчастными. Для читателей это стало откровением. А ветераны признали: мы и были такими. Тему эту слегка затронул замечательный фильм «Белорусский вокзал». Но наше искусство молчало о том, что после войны в Афганистане и со сражений в Чечне наши ребята возвращались в мирную жизнь не только инвалидами, но исковерканными психически.

В фильме показано, что и нормальные подростки, не побывавшие на войне, увидев вернувшихся солдат, тоже могут стать жестокими. Развивается цепная реакция.

Лопе де Вега писал: «Когда на фоне полотна художник ночь изображает, он луч хотя бы оставляет, чтоб эта ночь была видна». Это один из законов искусства. Со временем у Валерия Тодоровского, видимо, все меньше остается оптимизма. Что проявилось уже в картине «Любовник», а еще четче - в фильме «Мой сводный брат Франкенштейн». Но какие-то лучики все же есть и здесь. Какие? Да хорошие люди. И отец, и мачеха, и спецназовцы, понимающие: надо спасать людей от маньяка, а он, маньяк, - просто несчастный парень...

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ

Жиромский... Эту фамилию я запомнила сразу, хотя находилась еще в том возрасте, когда имя артиста не имеет значения.

МИМ С ЖИВОЙ ПЛАНЕТЫ

Но мим на сцене был так необычен, что захотелось оставить о нем узелок на память. Одно его движение перетекало в другое, словно вода в сообщающихся сосудах. Он был в черном трико, из которого, по моему мнению, он явно вырос. Из трико словно выскакивали большие открытые по локоть руки и по голень ноги в тапочках. Взрослый вроде человек, но с какими-то круглыми детскими глазами и курносый носом.

Шли годы. Я выросла. А он оставался все тем же большим ребенком.

Жанр пантомимы таков, что артист на сцене и должен быть ребенком. Александру Жиромскому для этого даже грим не требовался. Он никогда им не пользовался. Правда, со временем начал прятать лысину, и то как-то по-детски: жег пробку, а сажу использовал вместо краски.

И вот Жиромскому 60 лет. Недавно в ЦДРИ прошел вечер в его честь. Собрались друзья, коллеги, поклонники... Вспомнили Жиромского, артиста и человека, что, впрочем, одно и то же.

Некоторым очень талантливым людям приходится десятилетиями доказывать свое право на творчество. Жиромскому потрясающе везло. Он стал знаменитым в 24 года, создав вместе с выдающимся режиссером и педагогом циркового училища Сергеем Каштеля-

ном образ Мульты, смешного человечка, познающего наш мир. В то время казалось, что ничего нового в пантомиме придумать невозможно. Мимы уже и стихи читали, и песни пели. Уже были Енгибаров и Марсель Марсо. Тем не менее Жиромскому и Каштеляну удалось придать классической пантомиме новую форму. Они разбили движение на мельчайшие частички. Оно стало дробным. В 80-е годы именно это прославило и Майкла Джексона. Не сомневаюсь, американский поп-идол шел своим путем и понятия не имел о советском Мульте, хотя Жиромский много гастролеровал за рубежом, в том числе на Западе.

В 1968 году Мульти стал едва ли не главным потрясением на эстраде. В том

же году Жиромский принимает участие в спектакле, ставшем культурным явлением - «Глазами клоуна». Пришел к режиссеру-постановщику Геннадию Бортникову и сказал: «Хочу с вами работать». Тот подумал: «Странный мальчик. Слишком активен, все время жестикулирует. А одет-то как - в ярдовито-желтом кашемировом свитере». И взял его в свою команду. В 70-80-е годы Жиромский очень известен. Он один из самых ярких артистов в жанре пантомимы. Выступает на самых крупных концертах,

транслируемых по телевидению. Работает как режиссер. Но судьба просто так подарки не дарит. Она словно боялась не успеть. Жиромский умер, не дожив до 50 лет двух месяцев.

На вечере в ЦДРИ многие говорили: «Он ушел, когда наступило его время. Сейчас он мог бы стать и продюсером». Жиромский действительно был прекрасным организатором. Мечтал создать центр эксцентрики, который бы объединил пантомиму, клоунату, пение, танцы... И он его создал. После смерти Жиромского центра не стало. Но, возможно, не только потому, что хорошего продюсера не нашлось.

Об актрисе этого центра Наташе Руколь знает небольшой круг людей. Она обладает просто пла-

стилиновой гибкостью. А ее нервная эмоциональность ощущается, кажется, и на последнем зрительском ряду. Именно такое редкое сочетание в миме искал Жиромский для «Паяца», ставшего его последней постановкой. Светлану Власову он называл своей самой лучшей ученицей. Она тоже редкая актриса - нежная, мягкая. Широкой публике тоже неизвестна, работает в Театре на Таганке. Мало кто знает о веселом, красочном театре эксцентрики «Чудаки», который когда-то привел Жиромский в центр. И неудивительно: во времена торжества какофонии на эстраде нет места для такого тонкого искусства, как пантомима. А если нужда вдруг и возникает, то для ее удовлетворения достаточно редких приездов в Россию замечательного, блестящего Полунина. Правда, стабильным остается спрос на суррогат пантомимы, на жалкое филлярство в телепередачах, посвященных якобы юмору. Сюжет традиционный - про «тупых и еще тупее». Два глупых мима чего-то там не поделили, пытаются объяснить, что заканчивается потасовкой. Результат впечатляет: публика утробно веселится.

Жиромский тоже часто выступал в передаче «Вокруг смеха». Одна из его пантомим - штангист, который не может взбить вес. Сначала он хвастливый, потом робкий, потом несчастный, потом находчивый... Столько масок за считанные минуты! Смех и грусть - все рядом. Как в жизни.

Увы, записей с выступлениями Жиромского осталось очень мало. Не сохранилось и его Мульти. Даже во всезнающем Интернете о Жиромском практически ничего нельзя найти. А на сайте «Люди искусства» поисковая система выдала вообще чудовищный ответ - «в банке данных не обнаружен».

Но сцена того же ЦДРИ, где часто выступал Жиромский, - живая планета. Она помнит мима.

Наталья КУЗИНА

БРАВЫЙ СОЛДАТ УДИВЛЯЕТСЯ... И УДИВЛЯЕТ

Театр сатиры дождался юбилея своего художественного руководителя - Александра Ширвиндта. А мы, зрители, дождались лицецерения того подарка, какой Александр Анатольевич сам себе сделал: поставил «Швейк, или Гимн идиотизму».

Ни Ширвиндт, ни театр не ставили перед собой нереальной задачи - перенести на сцену весь роман. И Швейк в спектакле не совсем тот, каким мы его представляем по книге. Худрук театра «Ученая обезьяна» Эдуард Радзюкевич играет странного, модно одетого и модно постриженного молодого парня - очень себе на уме, явно не глупого, но столь же явно не понимающего: почему же эта прекрасная жизнь, в которой бывают очаровательны даже гулящие девки и туполобые начальники, государственные шипки и хапуги-доктора, особенно если большая кружка пива создает верное настроение и правильное направление взгляда... Почему же эта трудная, но веселая житуха должна пре-

рваться во имя всеобщей бойни, в которой пафосны лишь бредни генералов, а в реальности - кровь, грязь, смерть и обман?

Вот об этом спектакль: о жизни, которую большинство мужчин любого возраста ощущают как нескончаемый мальчишник (потому во всех ролях только актеры-мужчины) и, заигравшись, с тупым гоголем и позерством впадают в истерию всеобщего военного разрушения. Но разговор об этих серьезнейших и трагичнейших вещах театр ведет в интонации гашековского романа.

Тут есть замечательные пародирующе-танцевальные сцены. Вот явление в дом к убежденным бабникам и столь же убежденным холостякам - поручику Лукашу и его денщику Швейку - балерины, новой пассии поручика. И почти эстрадный номер: фельдкват Отто Кац, благословляющий с кафедрой руками и ногами. И пафосное шествие маршевой роты на фронт - Лукаш в белой рубашке впереди, с саблей наголо, вышагивает гусиным шагом, а за ним - Швейк и остальные, в ритме марша, но шатаясь спяну или от страха; под ними крутятся поворотный круг, и они, маршируя, будто стоят на месте; а затем, тормознувшись, образуют «живую скульптуру», неуловимо пародирующую пафос известных американских «Поднимающих флаг»... Правда, пока, несмотря на отменную стильность иных эпизодов,

постановка вышла не во всем ровная. Слабо «звучит» основной прием: что-то вроде «аукциона интересных вещей и событий». И в первой части - вялый темп. Словно актерам не очень ясен бытовой смысл событий. Но вот события переместились в больницу, возникла богатая для розыгрышей и очень выжная каждому тема симуляции и откоса от армии - и действие сразу рвануло вперед игривым аллюром, засияло яркими находками актеров и режиссера.

Вместе с инсценировщиками А. Колганом и А. Жигалкиным и почти всем составом молодых, но уже популярных участников театра «Ученая обезьяна» и телепрограммы «Сам себе режиссер» в озорном себе «с кайфом купаются» ветераны Театра сатиры - и Михаил Державин, и Юрий Авшаров (он в свое время был худруком того «щужинского» курса, из которого и родился театр «Ученая обезьяна»). Может, самое замечательное в этом спектакле то, что справивший 70-летие Александр Ширвиндт с упоением работал вместе с молодыми. И в Театре сатиры родился спектакль, пусть не без шероховатостей, но удачно соединивший озорство молодости и мудрость опыта, а эта гремучая смесь помогает глядеть на мир трезво и не уступать всеобщему самообману.

Валерий БЕГУНОВ